

16. Otchet o deyatel'nosti Prezidiuma Soveta profsoyuzov Belorussii (aprel' 1922 – iyun' 1923 gg.). – Minsk: [b. i.], 1923. – 126 s.
17. Otchet o rabote Tsentral'nogo soveta profsoyuzov Belorussii za period dekabr' 1925 g. – iyun' 1927 g. K VI Vsebelorusskomu s'ezdu profsoyuzov. – Minsk, 1927. – 117 s.
18. Ocherki istorii profsoyuzov Belorussii (1905–1969 gg.). – Minsk: Belarus', 1970. – 474 s.
19. Postanovleniya VI Vsebelorusskogo s'ezda professional'nykh soyuzov i doklad tov. Perepechko na sobranii profaktiva gor. Minska. – Minsk [b. i.], 1927. – 70 s.
20. Professional'nye soyuzy Belarusi : entsiklopediya : v 2 t. / Federatsiya profsoyuzov Belarusi ; pod obshch. red. L. P. Kozika. – Minsk : MITSO, 2012. – T. 2. – 895 s.
21. Rezolyutsii i postanovleniya IV Vsebelorusskogo s'ezda profsoyuzov. – Minsk: [b. i.], 1924. – 28 s.
22. Rezolyutsii 5-go Vsebelorusskogo s'ezda professional'nykh soyuzov. – Minsk : Red.-izdat. otdel TsSPSB, 1926. – 80 s.
23. Sovetskaya Belorussiya. – Minsk: Gos. izd-vo SSRB, 1921. – 307 s.

УДК 904

Vladimir Podolinsky,
PhD, associate professor;
Belarusian State University
(Belarus)

THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AS PART OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH: THE POLITICAL SYSTEM AND THE PROBLEM OF SOVEREIGNTY

Discussions about the form of the state system of the Polish-Lithuanian Commonwealth have a long historiographical tradition. However, the views of researchers on this issue are still very different: from the Declaration of the Polish-Lithuanian Commonwealth as a single state, in which the Grand Duchy of Lithuania retained only some features in the legal system, to the recognition of its Union of two completely independent States. The purpose of the study is to use the concept of sovereignty to determine the role and place of the Grand Duchy of Lithuania in the political system

of this state Association. The article shows the desire of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania to pursue an independent policy on their own territory, to prevent external interference in internal Affairs and to protect their interests in the implementation of the foreign policy of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The author emphasizes the Federal basis for the unification of the Grand Duchy of Lithuania and Poland in 1569. It is concluded that the Grand Duchy of Lithuania as part of the Polish-Lithuanian Commonwealth had non-absolute sovereignty, and its statehood was not eliminated. The results of the study will allow us to study in more detail the problems of sovereignty and statehood in the region of Central and Eastern Europe during the early Modern period.

Keyword: sovereignty; statehood; Grand Duchy of Lithuania; Polish-Lithuanian Commonwealth; Lublin Union of 1569; political system; valny Sejm; szlachta.

弗拉基米尔·波多林斯基

作为波兰-立陶宛联邦一部分的立陶宛大公国：政治制度和主权问题

关于波兰-立陶宛联邦国家制度形式的讨论具有悠久的历史编纂传统。然而，研究者们对这一问题的看法仍存在很大的分歧：从宣布波兰-立陶宛联邦为一个单一国家(立陶宛大公国在其法律制度中只保留了一些特点)到承认由两个完全独立的国家组成的联盟。本研究的目的是利用主权的概念来确定立陶宛大公国在这个国家联盟的政治制度中的作用和地位。这篇文章表明，立陶宛大公国的贵族们希望在自己的领土上奉行一项独立的政策，防止外部干涉内政，并在执行波兰-立陶宛联邦的外交政策时保护他们的利益。作者强调了立陶宛大公国与波兰在 1569 年统一的联邦基础。结论是，立陶宛大公国作为波兰-立陶宛联邦的一部分具有非绝对主权，其国家地位没有被消除。研究结果将使我们能够更详细地研究早期近代中欧和东欧地区的主权和国家地位问题。

关键词: 主权；国家地位；立陶宛大公国；波兰-立陶宛联邦；1569 年卢布林联盟；政治制度；瓦尔尼·塞姆；撒拉赤塔

Владимир Подолинский

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА

Дискуссии о форме государственного строя Речи Посполитой имеют давнюю историографическую традицию. Однако взгляды исследователей на данную проблему до сих пор крайне разнятся: от объявления Речи Посполитой единым государством, в котором Великое княжество Литовское сохранило только некоторые особенности в правовой системе, до признания её союзом двух полностью самостоятельных государств. Цель исследования – при помощи концепции суверенитета определить роль и место Великого княжества Литовского в политической системе этого государственного объединения. В статье показано стремление шляхты Великого княжества Литовского проводить самостоятельную политику на собственной территории, не допускать вмешательства извне во внутренние дела и защищать свои интересы в реализации внешней политики Речи Посполитой. Автор подчёркивает федеративную основу объединения Великого княжества Литовского и Польши в 1569 г. Сделан вывод, что Великое княжество Литовское в составе Речи Посполитой владело неабсолютным суверенитетом, и его государственность не была ликвидирована. Результаты исследования позволят более детально изучать проблематику суверенитета и государственности в регионе Центрально-Восточной Европы периода раннего Нового времени.

Ключевые слова: суверенитет; государственность; Великое княжество Литовское; Речь Посполитая; Люблинская уния 1569 г.; политическая система; вальный сейм; шляхта.

Великое княжество Литовское (ВКЛ) и Королевство Польское находились в тесном политическом союзе с 1385 г., когда по условиям Кревского акта великий князь литовский Ягайло должен был стать польским королём. С 1447 г. два государства были объединены персональной унией под властью династии Ягеллонов [22, с. 81–173]. В середине XVI в. геополитическая ситуация в Восточной Европе резко обострилась. Великое княжество Литовское и Московское государство стремились укрепить своё влияние в Ливонии (современные земли Латвии и Эстонии) – стратегически важном регионе Прибалтики. В январе 1558 г. Московское государство напало на Ливонию и к лету захватило земли

восточной Эстонии. Позднее в конфликт вмешались Дания и Швеция. Ливонский орден обратился за помощью к королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду Августу (1548–1572 гг.). В Вильно в январе 1559 г. и ноябре 1561 г. были подписаны два соглашения, по которым земли Ордена переходили под личную протекцию Сигизмунда Августа, а ВКЛ обязывалось защищать Ливонию и вернуть захваченные земли. Война с Московским государством стала неизбежной. Весной 1562 г. московские войска напали на восточные районы ВКЛ, а захват в феврале 1563 г. Полоцка позволил Московскому государству овладеть стратегическим преимуществом на всём театре боевых действий [14, с. 21–74]. Великому княжеству требовался сильный союзник, которым, естественно, являлась Польша. Однако коронная политическая элита связывала помощь в войне с заключением нового, более тесного союза между государствами. Польская шляхта вообще настаивала на инкорпорации ВКЛ в состав Польши. В начале 1560-х гг. за новую унию начал активно выступать и Сигизмунд Август, который понимал, что только вместе страны могут победить в Ливонской войне. Он также опасался, что окончание династии Ягеллонов (у короля не было наследников) может привести к разрыву даже персональной унии между Польшей и ВКЛ [25, с. 20, 34–36, 37–39].

В результате споров и острой политической борьбы 1 июля 1569 г. на совместном сейме в Люблине между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским была заключена уния. Создавался новый политический организм – Речь Посполитая [15, с. 331–363]. Дискуссия о характере Люблинской унии 1569 г. и форме государственного строя Речи Посполитой идёт в исторической науке уже очень давно. На наш взгляд, новое государство создавалось на федеративной основе. В Речи Посполитой был единый избираемый шляхтой король польский и великий князь литовский, совместные вальный сейм и внешняя политика, предусматривалось создание общей финансовой системы. Однако ВКЛ сохранило свои отдельные должности, судебную и правовую системы, канцелярию, казну, армию, титул, символику, официальный старобелорусский язык (в 1697 г. был заменён польским) [4, с. 368, 395; 31, с. 234–238]. В данной статье мы попробуем определить, позволяла ли специфика политической системы Речи Посполитой сохранить Великому княжеству Литовскому свой суверенитет в составе нового государственного объединения. Отметим, что будем рассматривать период от 1569 г. до середины XVII в., то есть до начала

системного социально-политического кризиса Речи Посполитой, который открыл новый этап её истории и является отдельной, довольно масштабной исследовательской проблемой.

Верховная власть в Речи Посполитой принадлежала не только королю польскому и великому князю литовскому, но и всему шляхетскому сословию. Шляхта владела широким комплексом привилегий и прав, важнейшими из которых были равенство каждого шляхтича перед законом, право на участие в выборах короля и в политической жизни страны, право на свободный голос и протест, неприкосновенность шляхтича и его имущества. В случае неисполнения монархом своих обязательств или нарушения шляхетских свобод, шляхта имела право отказаться признавать власть короля [20, с. 222–229; 31, с. 329, 358]. Однако шляхетское сословие Речи Посполитой не было однородным, в том числе в политическом смысле. Существовал отдельный политический народ ВКЛ*, который отождествлял себя, в первую очередь, с Великим княжеством Литовским, имел свои собственные групповые интересы и потребности, а также стремился реализовать их в общественной деятельности. Это политическое сообщество старалось проводить самостоятельную политику на собственной территории, не допускать вмешательства извне во внутренние дела Великого княжества и защищать свои интересы в реализации внешней политики Речи Посполитой, то есть отстаивало суверенитет ВКЛ [1; 27].

Основы политической системы Речи Посполитой были закреплены в Генриховых артикулах 1573 г., которые получили юридическую силу в 1576 г., а также в решениях самого Люблинского сейма 1569 г. [31, с. 234–256, 326–329, 356–358]. Центральным её элементом являлся общий вальный сейм, который объединял в себе короля, сенат и посольскую избу, состоящую из избранных на локальных сеймиках представителей шляхты. Для принятия того или иного решения необходимо было согласие всех составных частей сейма. Именно этот институт власти давал шляхте право и возможность непосредственно участвовать в управлении государством, а также уравнивал политические амбиции монарха и шляхетского сословия. В 1569 г. в состав сената, верхней палаты сейма, вошли 27 великокняжеских сенаторов из 140 сенаторов, а в состав посольской избы (нижней палаты) –

---

* Под определением «политический народ ВКЛ» понимаем ту часть белорусской и литовской шляхты, которая активно пользовалась правом участвовать в политической жизни страны на всех её уровнях.

44 посла от ВКЛ из примерно 170 послов [21, с. 170–171, 174–175; 25, с. 23]. На сеймах, которые с 1576 г. должны были созываться минимум раз в два года, рассматривались все важнейшие вопросы государственной жизни. В его компетенцию входило издание законодательных актов, одобрение налогов, созыв шляхетского ополчения, определение внешней политики государства, ратификация мирных договоров, контроль над действиями короля и центральных чиновников, рассмотрение важнейших судебных дел и др. [см. напр.: 26, с. 51–118]. Однако даже на общем вальном сейме Речи Посполитой делегация Великого княжества сохраняла определённую обособленность. Так, на рассмотрение монарху, сенату и посольской избе представители ВКЛ подавали отдельные постулаты и артикулы по своим внутренним вопросам. Уже в конце XVI в. во время сеймов проводились отдельные от коронной стороны совещания сенаторов и послов ВКЛ. Часто от имени всей великокняжеской делегации подавались протестации – письменные протесты против каких-либо сеймовых решений [7]. Также на вальных сеймах принимались постановления (конституции), которые действовали только на территории ВКЛ. И уже в конце XVI в. появилась традиция обособления таких постановлений от всех других конституций. Впервые сеймовые конституции ВКЛ были выделены в отдельный раздел в 1590 г., последний раз – в 1776 г. [28, с. 186–188; 34, с. 114–116]. Позднее, с XVII в., непосредственно во время сейма работали отдельные для разных регионов Речи Посполитой, в том числе и для Великого княжества Литовского, так называемые провинциальные сессии [28, с. 182–185; 34, с. 111–112]. В целом, на всех уровнях парламентской системы великокняжеские представители старались ограничить вмешательство коронной стороны в решение внутренних дел ВКЛ. Кроме того, сейм давал реальную возможность защиты прав и свобод Великого княжества Литовского в составе федеративного государства.

Сохранение социально-политической обособленности ВКЛ в рамках унии с Польшей стало одной из причин возникновения нового и, что наиболее важно, отдельного представительного органа власти в Великом княжестве – Главного съезда [8]. Этот властный институт начал функционировать со времени правления короля и великого князя Стефана Батория (1576–1586 гг.) и вообще не был оговорён в законах ВКЛ и Речи Посполитой. Иногда в Главном съезде видят даже продолжение традиции существования отдельного сейма ВКЛ [24, с. 273–274]. Созывать съезды мог только монарх, но на практике инициатива

в их созыве часто принадлежала и политической элите Великого княжества Литовского. Участие в заседаниях принимали сенаторы ВКЛ и послы от шляхты, избранные на сеймиках в поветах и воеводствах. Главный съезд являлся чрезвычайным законодательным органом и созывался, как правило, во время войн или политических конфликтов. На нём рассматривались главным образом вопросы налогообложения, а также обсуждался широкий круг актуальных для политического народа ВКЛ проблем внутренней и внешней политики. Для вступления в силу, решения съезда должны были быть утверждены монархом или сеймом [8, с. 17–20]. Главный съезд прекратил своё существование в конце XVII в., что было вызвано разочарованием в нём как со стороны шляхты, так и королевской власти [8, с. 20–21]. Тем не менее, проведение этих съездов свидетельствовало о сохранении великокняжеским политическим народом верховной власти на собственной территории в чрезвычайных обстоятельствах.

По условиям Люблинской унии 1569 г., в Великом княжестве Литовском сохранялись все должности и их компетенция [31, с. 235–236]. Сохранение отдельных должностей и таких институтов власти, как канцелярия и казна, давали возможность Великому княжеству обеспечивать свои интересы во внутренней и внешней политике Речи Посполитой. В связи с этим политический народ ВКЛ последовательно выступал за окончательное разграничение компетенции земских и дворных маршалков ВКЛ и Польши – важнейших центральных и придворных должностей – в рамках общей Речи Посполитой. Горячие споры вокруг урегулирования этого вопроса шли на протяжении 1569–1572 гг. Окончательно разграничил полномочия маршалков привилей короля и великого князя Сигизмунда Августа от 15 апреля 1572 г. Документ определял их иерархию и функции, в первую очередь, во время проведения совместных вальных сеймов Речи Посполитой. На первом месте в иерархии фактически оказался коронный великий маршалок, однако земский маршалок ВКЛ даже на землях Польши имел первенство перед коронным дворным маршалком. Отдельно оговаривалось, что во время нахождения королевского двора на землях ВКЛ великокняжеский земский маршалок будет иметь первенство перед коронным коллегой [4, с. 384–386; 15, с. 376–378, 390–392]. В итоге маршалки ВКЛ назывались в документе «коронными урядниками», что формально должно было гарантировать их равноправие с маршалками Польши. Привилей также закрепил отдельный статус земского и дворного маршалков Великого княжества

Литовского, определил их полномочия. Некоторые уточнения в постановление 1572 г. позднее были внесены привилеем короля и великого князя Владислава IV (1632–1648 гг.), выданным 21 мая 1647 г. [30, с. 215–220].

Согласно условиям унии, Великое княжество Литовское сохраняло свою правовую и судебную систему, что подчёркивало его отдельный статус в составе Речи Посполитой. В ВКЛ действовал собственный акт кодификации – Статут, утверждённый в 1566 г. [11]. Уже на Люблинском сейме 1569 г. создавалась специальная комиссия, которая должна была начать работу по сближению великокняжеского права с правом коронным [31, с. 254–255]. Однако политический народ ВКЛ превратил работу по редактированию Статута 1566 г. в самостоятельную переработку кодификационного акта на основе практики и потребностей собственной социально-политической жизни. Основная работа над новым Статутом проходила в специальных комиссиях, на поветовых и Главном сеймиках, на Главном съезде ВКЛ. На сеймах Речи Посполитой великокняжеские представители выносили на утверждение уже подготовленные статьи или Статут полностью (например, в 1582 и 1585 гг.), стараясь и сохранить юридическую процедуру принятия законов, и, одновременно, ограничить влияние польской стороны на процесс подготовки Статута. Несмотря на протесты поляков, Статут ВКЛ был утверждён на коронационном сейме 1587–1588 г. новым королём и великим князем Сигизмундом Вазой (1587/1588–1632 гг.) [9]. Первые четыре раздела Статута 1588 г. имели конституционный характер и определяли основы государственного устройства Великого княжества Литовского в рамках Речи Посполитой [12, с. 80–213]. Этот акт кодификации защищал партикулярные интересы ВКЛ, юридически укреплял его внутреннюю самостоятельность. Вместе с тем, нельзя оценивать Статут 1588 г. как проявление сепаратизма, так как он не имел целью выход Великого княжества Литовского из состава Речи Посполитой и создание независимого государства. Наоборот, все совместные институты власти сохранялись. Отметим также, что с 1582 г. начал работу высший апелляционный орган ВКЛ – Трибунал, что ещё более подчеркнуло обособленность судебной системы Великого княжества Литовского от судебной системы Королевства Польского [19, с. 7–17].

Ещё один пункт Люблинской унии 1569 г. предусматривал, что коронная шляхта в ВКЛ, а великокняжеская в Польше могла владеть и получать земли на любых

условиях [31, с. 236–237]. Такая возможность открывала польской шляхте непосредственный путь к государственным должностям ВКЛ и, соответственно, ставила под угрозу сохранение политического верховенства в Великом княжестве за шляхтой белорусской и литовской. Однако Статут ВКЛ 1588 г. фактически отменял это условие унии. В Статуте определялось, что в Великом княжестве Литовском все должности могут предоставляться только местным уроженцам, а не иноземцам и иностранцам, в том числе и полякам [12, с. 118–119]. Эта статутная норма давала великокняжеской шляхте эффективное средство в борьбе за сохранение внутренней самостоятельности в рамках Речи Посполитой. Ярким примером этого являлся конфликт между политическим народом ВКЛ и королём Сигизмундом Вазой, который продолжался с 1591 по 1600 год. Так, в 1591 г. монарх назначил на должность виленского епископа – высшую сенаторскую должность ВКЛ – поляка Бернарда Мацевского. В свою очередь, великокняжеский политический народ номинации не признал и всеми средствами ей противостоял. Фактически, Сигизмунд Ваза в этом конфликте уступил, а главным «оружием» шляхты Великого княжества Литовского против назначения поляка виленским епископом был как раз Статут 1588 г. [5; 29, с. 67–82]. В 1600 г. виленским епископом стал «обыватель» ВКЛ – представитель белорусского шляхетского рода Бенедикт Война. Добавим, что в конце XVI в. подобные конфликты, связанные с запретом полякам занимать должности в ВКЛ, можно было встретить даже на локальном, поветовом уровне [10].

Важной особенностью политической системы Речи Посполитой была выборность короля и великого князя. После смерти монарха наступал период бескорольевья (*interregnum*). В такой чрезвычайной ситуации, до избрания нового короля, верховная власть в ВКЛ и Польше переходила в руки шляхты. В этот период созывались разные виды сеймов, которые обеспечивали стабильное функционирование государства. Так, на конвокационных сеймах определяли дату выборов короля, принимали меры по обороне страны, вырабатывали условия к кандидатам на престол. На элекционных сеймах происходило избрание короля и великого князя. Важно отметить, что любой шляхтич имел право участвовать в выборах [33, с. 63–64]. На коронационных сеймах проходила коронация избранного короля, утверждались акты, выработанные на конвокации и элекции. Каждый новый избранный король обязан был под присягой гарантировать исполнение Генриховых артикулов. Кроме

того, король и шляхта заключали своего рода договор – Пакта конвента, т.е. конкретные обязательства монарха перед шляхтой и государством. Во время бескоролья, особенно в последней трети XVI в. Политически влиятельная часть социума ВКЛ стремилась подчеркнуть свою самостоятельность. Так, в период первых двух бескорольев (1572–1576 гг.) в ВКЛ была фактически восстановлена практика созыва собственных съездов (сеймов), что, кстати, являлось явным нарушением пункта унии о запрещении проведения каких-либо отдельных представительных собраний кроме общего вального сейма [31, с. 236–237]. Первый такой съезд состоялся уже в конце декабря 1572 – начале января 1573 г. в Вильно. А всего за период 1572–1576 гг. состоялось около восьми съездов, на которых присутствовали как сенаторы, так и представители воеводств и поветов ВКЛ. На этих собраниях белорусская и литовская шляхта обсуждала возможных кандидатов на престол Речи Посполитой, занималась проблемами организации обороны и судопроизводства, рассматривала вопросы отношений с Польшей и даже внешней политики [16, с. 19–194; 25, с. 115–284]. Подобные съезды владели законодательными, исполнительными и судебными полномочиями. По сути, шляхта ВКЛ в периоды бескоролья владела государственным суверенитетом. Добавим, что великокняжеские представители долгое время не признавали института конвокационного сейма, как и право его созыва единолично высшим коронным сенатором – архиепископом гнезненским. В Вильно проводились отдельные съезды с аналогичными полномочиями, а в Польшу могли отправляться специальные посольства. Только в XVII в. политический народ Великого княжества полностью признал сложившийся ещё в последней трети XVI в. механизм функционирования Речи Посполитой в период бескоролья, в том числе институт конвокации и полномочия архиепископа гнезненского [28, с. 216–218, 221, 225–227 и др.].

В акте Люблинской унии 1569 г. отмечалось, что отправка посольств в зарубежные страны и заключение международных договоров в Речи Посполитой должны были происходить только с согласия представителей ВКЛ и Польши [31, с. 236]. Таким образом, провозглашалась общая внешняя политика, и говорить о суверенитете ВКЛ в сфере международных отношений не приходится. Однако великокняжеская политическая элита отстаивала свои внешнеполитические интересы, а в чрезвычайных обстоятельствах (бескоролье, война) проводила и самостоятельную внешнюю политику.

Например, во времена первых бескоролевий руководящие круги Великого княжества Литовского проводили переговоры с различными политическими силами за пределами Речи Посполитой с целью усилить позиции ВКЛ в рамках унии с Польшей, а также нейтрализовать военную опасность со стороны своего восточного соседа. От имени шляхты ВКЛ отправлялись посольства в зарубежные страны, поддерживались контакты, иногда даже тайно от коронной стороны, со Священной Римской империей и Московским государством [25, с. 80–284, 354–420]. Фактически велась самостоятельная внешняя политика. В августе 1587 г. сенаторы ВКЛ отдельно, без участия поляков (хоть и от имени всей Речи Посполитой), даже заключили 15-летнее перемирие с послами Московского государства [13, с. 196–211]. Кроме того, великокняжеская шляхта добилась от Сигизмунда Вазы, несмотря на совершенно иные, воинственные планы короля и части коронной политической элиты, официального утверждения этого перемирия в 1591 г. Самостоятельность в реализации своих внешнеполитических интересов элита ВКЛ проявляла и в XVII в., особенно в чрезвычайных ситуациях войны. Так, в 1627 г. от имени нескольких сенаторов Великого княжества во главе с виленским воеводой и великим гетманом Львом Сапегой, без согласия и ведома короля и польской стороны (и без учета интересов Польши, которая воевала со шведами в Пруссии), было заключено 5-месячное перемирие со Шведским королевством. Причиной этого шага стало тяжелейшее положение войск ВКЛ на фронте в Ливонии [18, с. 557–564]. А в 1655 г. по инициативе виленского воеводы и великого гетмана Януша Радзивилла часть великокняжеской шляхты в условиях полного поражения Речи Посполитой в войне с Россией заключила со Швецией Кейданскую унию, которая вообще предусматривала разрыв союза с Польшей [см. напр.: 2, с. 78–83]. Однако подобные действия были скорее исключением из правил. Также необходимо отметить, что представители ВКЛ всегда занимали особое положение в дипломатических миссиях в Московское государство. Это позволяло обеспечить сохранение интересов Великого княжества Литовского в отношениях со своим наиболее опасным соседом.

Важно подчеркнуть, что Великое княжество Литовское в составе Речи Посполитой сохраняло территориальную обособленность. Собственная территория была важным фактором, который определял принадлежность шляхтича к политическому народу ВКЛ, влиял на отождествление своих потребностей с коллективными интересами данной

общности. С конкретными границами были связаны деятельность различных властных институтов, существование своих «древних прав и привилегий», а также отдельная государственная традиция. В связи с этим заметим, что ещё долгое время после заключения Люблинской унии 1569 г. в сознании шляхты ВКЛ не сформировалось восприятие Речи Посполитой, как единого с поляками «Отечества». Для широких слоев белорусской и литовской шляхты Отечеством было, прежде всего, Великое княжество Литовское [см. напр.: 6, с. 51, 87–88]. На протяжении последней трети XVI – первой половины XVII вв. великокняжеская шляхта стремилась обеспечить территориальную целостность ВКЛ и даже вернуть ранее утраченные земли. Например, когда в результате войны Речи Посполитой с Московским государством 1609–1618 гг. был взят Смоленск, то Смоленское воеводство в 1613 г. после настойчивых требований шляхты было включено именно в состав ВКЛ. А вот вернуть украинские земли, отошедшие в 1569 г. к Польше, так и не удалось [4, с. 390–391; 6, с. 51–55]. Территориальная обособленность являлась необходимым условием обеспечения суверенитета [27]. В свою очередь, реальная способность политического народа ВКЛ и после 1569 г. воплощать верховную власть на собственной территории свидетельствовала о сохранении государственности Великого княжества Литовского в рамках Речи Посполитой [3; см. также: 17, с. 168–171].

Во время бурных политических событий конца XVI – начала XVII в. великокняжеская шляхта всячески подчёркивала статус ВКЛ как «половины Речи Посполитой» и ни в коем случае не хотела сводить его к статусу одной из провинций Королевства, вроде Великой или Малой Польши. Именно из такого понимания своего особого положения в Речи Посполитой происходило стремление политической элиты ВКЛ сохранить различные символические черты государственности [3]. Так, уже в последней трети XVI в. Великое княжество фактически добилось отдельной присяги и утверждения своих прав новым королём и великим князем (например, в 1576 и 1588 гг.). Хотя, согласно условиям унии, новый монарх при своей коронации должен был приносить только одну присягу и выдавать один привилей об утверждении прав и вольностей «обоих народов» [25, с. 280–284; 31, с. 236; 32, с. 41–42]. Акт унии 1569 г. ликвидировал отдельное избрание и возведение на престол великого князя литовского. Причём предписывалось, «чтобы никакого сходства с этим не было» [31, с. 235]. Тем не менее, уже в сентябре 1573 г. в Париже дворный маршалок ВКЛ Николай Христофор

Радзивилл Сиротка отдельно от послов Речи Посполитой именем Великого княжества Литовского провозгласил избрание Генриха Валуа королём польским и великим князем литовским [23, с. 82–86]. Польской стороной этот шаг был воспринят как непосредственное нарушение условий Люблинской унии. А в мае 1580 г. в Вильно состоялась церемония вручения Стефану Баторию даров от папы римского Григория XIII в честь его побед над Московским государством. Церемония была проведена таким образом, что позволила некоторым исследователям говорить даже о возрождении политической элитой ВКЛ обряда отдельного возведения на престол великого князя литовского [25, с. 331–332].

Обратим внимание ещё на один момент. На наш взгляд, большое значение для формирования собственной государственно-политической идентичности шляхты ВКЛ, по крайней мере, во второй половине XVI в. имело включение в Статуты 1566 и 1588 гг. статьи, которая фактически закрепляла за старобелорусским языком статус официального [11, с. 97; 12, с. 140]. Подчеркнём, что даже в условиях все более активного распространения польского языка в высших слоях общества эта норма была сохранена и в третьем Статуте ВКЛ, в создании которого активное участие принимали широкие слои белорусской и литовской шляхты [9, с. 13–14, 18]. Это может свидетельствовать о том значении, которое политический народ Великого княжества придавал защите атрибутов своей государственности. Отдельный официальный язык делопроизводства и своя государственная символика (герб «Погоня»), безусловно, также являлись символическими чертами государственности ВКЛ.

До середины XVII в. политическая система Речи Посполитой функционировала успешно и обеспечивала внутреннюю стабильность государства. Вальный сейм гарантировал соблюдение прав шляхты и различных регионов страны, давал возможность всем недовольным свободно выражать свой протест против тех или иных решений власти, что не допускало серьёзных внутренних конфликтов. Шляхта ВКЛ имела действенные инструменты для реализации своих партикулярных интересов и защиты внутренней самостоятельности в составе Речи Посполитой. Однако в середине XVII в. целый комплекс внутренних и внешних причин привёл государство в состояние глубокого кризиса, который крайне негативно повлиял на его дальнейшее политическое развитие.

Таким образом, особенности политической системы Речи Посполитой позволяли шляхте Великого княжества Литовского защищать и реализовывать свои социально-политические интересы в делах внутренней и, в меньшей степени, внешней политики. Великое княжество сохранило свои должности и их компетенцию, казну, канцелярию, армию, титул, символику, судебную и правовую системы, территориальную обособленность. Участие коронной шляхты в решении внутренних дел ВКЛ, даже на общих вальных сеймах, ограничивалось. Проведение отдельных Главных съездов или же различных съездов времён бескоролья являлось важным инструментом обеспечения государственных интересов ВКЛ. Статут 1588 г. гарантировал верховенство в Великом княжестве прав местной шляхты. Всё это позволяет сделать вывод о том, что в составе Речи Посполитой Великое княжество Литовское владело неабсолютным суверенитетом [27], и его государственность не была ликвидирована. При этом, реальная возможность гарантировать свои права и свободы стимулировала процессы социально-политической интеграции в рамках этого государственного объединения.

Список использованных источников

1. Боўш, В. І. Суверэнітэт / В.І. Боўш // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. – Т. 15 / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2002. – С. 243.
2. Гісторыя Беларусі: У 6 т. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.) – Мінск: Экаперспектыва, 2004. – 344 с.
3. Дубянецкі, С. Ф. Дзяржаўнасць / С. Ф. Дубянецкі // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. – Т. 6 / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 1998. – С. 144.
4. История белорусской государственности. В 5 т. – Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / Отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубев. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 598 с.
5. Лаппо, И. И. Люблинская уния и третий Литовский статут / И. И. Лаппо // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. № 5. – С. 89–150.
6. Лойка, П. А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI–першай трэці XVII ст. / П. А. Лойка. – Мінск: БДУ, 2002. – 99 с.

7. Падалінскі, У. Дзейнасць прадстаўнікоў Вялікага Княства Літоўскага на вальных соймах Рэчы Паспалітай у канцы XVI ст.: партыкулярныя тэндэнцыі / У. Падалінскі // The Second International Congress of Belarusian Studies: Working Papers. – Vol. 2 (2013). – Kaunas: Vytautas Magnus University Press, 2013. – С. 39–43.
8. Падалінскі, У. Галоўны з'езд Вялікага Княства Літоўскага: генезіс, функцыі, гістарычнае развіццё / У. Падалінскі // Беларускі Гістарычны Часопіс. – 2015. № 1. – С. 13–23.
9. Падалінскі, У. Партыкулярызм vs уніфікацыя: распрацоўка і прыняцце Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. / У. Падалінскі // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. – № 2. 2018. – С. 10–20.
10. Радаман, А. Да пытання аб прызначэнні палякаў на дзяржаўныя пасады ў Вялікім Княстве Літоўскім у к. XVI ст. / А. Радаман // Беларусіка = Albaruthenica: Кн. 15: На шляхах да ўзаемаразумення / Рэд. А. Мальдзіс і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 2000. – С. 50–54.
11. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо; Рэдкалегія Т.І. Доўнар і інш. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с.: іл.
12. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.: іл.
13. Флоря, Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI–начале XVII в. / Б.Н. Флоря. – М.: Наука, 1978. – 300 с.
14. Янушкевіч, А.М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. / А. М. Янушкевіч. – Мінск: Медисонт, 2007. – 356 с.
15. Akta unii Polski z Litwą 1385–1791 / Wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. – Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności i Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1932. – LVI, 571 s.
16. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. – T. 1: Okresy bezkrólwi / Oprac. H. Lulewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2006. – 437 s.
17. Canning, J. A History of Medieval Political Thought, 300–1450 / J. Canning. – 1st Edition. – London and New York: Routledge, 1996. – 272 p.
18. Czwołek, A. Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego / A. Czwołek. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012. – 734 s., il.

-
19. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696): spis / pod red. A. Rachuby. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. – 469 s.
20. Friedrich, K. Poland–Lithuania / K. Friedrich // *History of European Political Thought, 1450–1700. Religion, Law and Philosophy* / Edited by H.A. Lloyd, G. Burgess, S. Hodson. – New Haven and London: Yale University Press, 2008. – P. 208–242.
21. Historia sejmu polskiego: W 3 t. / Pod red. J. Michalskiego. – T. 1: Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej. – Warszawa: PWN, 1984. – 452 s.
22. Jučas, M. Unia polsko-litewska / M. Jučas / Tłum. A. Firewicz. – Toruń: Europejskie Centrum Edukacyjne, 2004. – 370 s.
23. Kempa, T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł “Sierotka” (1549–1616) wojewoda wileński / T. Kempa. – Warszawa: Semper, 2000. – 382 s.
24. Kiaupa, Z. The History of Lithuania (before 1795) / Z. Kiaupa, J. Kiaupienė, A. Kuncevičius. – Vilnius: VILSPA, 2000. – 402 p.: m.
25. Lulewicz, H. Gniewów o unię ciąg dalszy (Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588) / H. Lulewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2002. – 457 s.
26. Opaliński, E. Sejm srebrnego wieku (1587–1652). Między głosowaniem większościowym a liberum veto / E. Opaliński. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2001. – 272 s.
27. Philpott, D. Sovereignty / D. Philpott // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Electronic resource]. – Stanford, 2020. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/sovereignty/> – Date of access: 02.07.2020.
28. Rachuba, A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2002. – 376 s.
29. Rzońca, J. Rzeczpospolita Polska w latach 1596–1599. Wybrane zagadnienia polityki wewnętrznej i zagranicznej / J. Rzońca / Wyższa szkoła pedagogiczna im. Powstańców Śląskich w Opolu. Studia i monografie, 156. – Opole, 1990. – 205 s.
30. Seredyka, J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi od Unii Lubelskiej do połowy XVII wieku / J. Seredyka // *Świat pogranicza* / Red. M. Nagielski, A. Rachuba, S. Górzyński. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2003. – S. 211–221.

31. Volumina Constitutionum. – T. II (1550–1609), vol. 1 (1550–1585) / Do druku przygotowali S. Grodziski, I. Dwornicka i W. Uruszczak. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2005. – 516 s.

32. Wisner, H. Unia Lubelska i III Statut Litewski z roku 1588 / H. Wisner // Zapiski Historyczne. – 1986. T. LI, z. 1. – S. 23–43.

33. Wisner, H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława IV Wazy / H. Wisner. – Wydanie II. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2001. – 144 s.

34. Zakrzewski, A. Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo–ustrój–społeczeństwo / A. Zakrzewski. – Warszawa: Campidoglio, 2013. – 324 s.

References

1. Bowsh, V. I. Suverjenitjet / V. I. Bowsh // Belaruskaja jencyklapedyja: U 18 t. – T. 15 / Rjedkal.: G. P. Pashkow i insh. – Minsk: BelJen, 2002. – S. 243.

2. Gistoryja Belarusi: U 6 t. / Rjedkal.: M. Kascjuk (gal. rjed.) [i insh.]. – T. 3: Belarus' u chasy Rjechy Paspalitaj (XVII–XVIII stst.) – Minsk: Jekaperspektyva, 2004. – 344 s.

3. Dubjanecki, S. F. Dżarzhawnasc' / S. F. Dubjanecki // Belaruskaja jencyklapedyja: U 18 t. – T. 6 / Rjedkal.: G. P. Pashkow i insh. – Minsk: BelJen, 1998. – S. 144.

4. Istoriya belorusskoi gosudarstvennosti. V 5 t. – T. 1: Belorusskaya gosudarstvennost': ot istokov do kontsa XVIII v. / Otv. red. toma: O. N. Levko, V. F. Golubev. – Minsk: Belaruskaya navuka, 2018. – 598 s.

5. Lappo, I. I. Lyublinskaya uniya i tretii Litovskii statut / I. I. Lappo // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1917. № 5. – S. 89–150.

6. Lojka, P. A. Shljahta belaruskich zjamel' u gramadska-palitychnym zhycci Rjechy Paspalitaj drugoj palovy XVI–pershaj trjeci XVII st. / P. A. Lojka. – Minsk: BDU, 2002. – 99 s.

7. Padalinski, U. Dzejnasc' pradstawnikow Vjalikaga Knjastva Litowskaga na val'nyh sojmah Rjechy Paspalitaj u kancy XVI st.: partykuljarnyja tjendjencyi / U. Padalinski // The Second International Congress of Belarusian Studies: Working Papers. – Vol. 2 (2013). – Kaunas: Vytautas Magnus University Press, 2013. – S. 39–43.

8. Padalinski, U. Galowny z'ezd Vjalikaga Knjastva Litowskaga: genezis, funkcyi, gistarychnae razviccjo / U. Padalinski // Belaruskij Gistarychny Chasopis. – 2015. № 1. – S. 13–23.

9. Padalinski, U. Partykuljaryzm vs unifikacyja: raspracowka i prynjacce Statuta Vjalikaga Knjastva Litowskaga 1588 g. / U. Padalinski // Chasopis Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta. Gistoryja. – № 2. 2018.– S. 10–20.

10. Radaman, A. Da pytannja ab pryznachjenni paljakaw na dzjarzhawnyja pasady w Vjalikim Knjastve Litowskim u k. XVI st. / A. Radaman // Belarusika = Albaruthenica: Kn. 15: Na shljahah da wzaemarazumennja / Rjed. A. Mal"dzis i insh. – Minsk: Navuka i tjechnika, 2000. – S. 50–54.

11. Statut Vjalikaga knjastva Litowskaga 1566 goda / T.I. Downar, U.M. Satolin, Ja. A. Juho; Rjedkalegija T.I. Downar i insh. – Minsk: Tjesej, 2003. – 352 s.: il.

12. Statut Vjalikaga knjastva Litowskaga 1588: Tjeksty. Daved. Kament. / Rjedkal.: I. P. Shamjakin (gal. rjed.) i insh. – Minsk: BelSJe, 1989. – 573 s.: il.

13. Florja, B.N. Russko-pol'skie otnosheniija i politicheskoe razvitie Vostochnoj Evropy vo vtoroj polovine XVI–nachale XVII v. / B.N. Florja. – M.: Nauka, 1978. – 300 s.

14. Janushkevich, A.M. Vjalikae Knjastva Litowskae i Infljanckaja vajna 1558–1570 gg. / A. M. Janushkevich. – Minsk: Medysont, 2007. – 356 s.

15. Akta unii Polski z Litwą 1385–1791 / Wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. – Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności i Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1932. – LVI, 571 s.

16. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. – T. 1: Okresy bezkrólewia / Oprac. H. Lulewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2006. – 437 s.

17. Canning, J. A History of Medieval Political Thought, 300–1450 / J. Canning. – 1st Edition. – London and New York: Routledge, 1996. – 272 p.

18. Czwołek, A. Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego / A. Czwołek. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012. – 734 s., il.

19. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696): spis / pod red. A. Rachuby. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. – 469 s.

20. Friedrich, K. Poland–Lithuania / K. Friedrich // History of European Political Thought, 1450–1700. Religion, Law and Philosophy / Edited by H.A. Lloyd, G. Burgess, S. Hodson. – New Haven and London: Yale University Press, 2008. – P. 208–242.

21. Historia sejmu polskiego: W 3 t. / Pod red. J. Michalskiego. – T. 1: Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej. – Warszawa: PWN, 1984. – 452 s.

22. Jučas, M. Unia polsko-litewska / M. Jučas / Tłum. A. Firewicz. – Toruń: Europejskie Centrum Edukacyjne, 2004. – 370 s.
23. Kempa, T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł “Sierotka” (1549–1616) wojewoda wileński / T. Kempa. – Warszawa: Semper, 2000. – 382 s.
24. Kiaupa, Z. The History of Lithuania (before 1795) / Z. Kiaupa, J. Kiaupienė, A. Kuncevičius. – Vilnius: VILSPA, 2000. – 402 p.: m.
25. Lulewicz, H. Gniewów o unię ciąg dalszy (Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588) / H. Lulewicz. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2002. – 457 s.
26. Opaliński, E. Sejm srebrnego wieku (1587–1652). Między głosowaniem większościami a liberum veto / E. Opaliński. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2001. – 272 s.
27. Philpott, D. Sovereignty / D. Philpott // The Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. – Stanford, 2020. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/sovereignty/> – Date of access: 02.07.2020.
28. Rachuba, A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2002. – 376 s.
29. Rzońca, J. Rzeczpospolita Polska w latach 1596–1599. Wybrane zagadnienia polityki wewnętrznej i zagranicznej / J. Rzońca / Wyższa szkoła pedagogiczna im. Powstańców Śląskich w Opolu. Studia i monografie, 156. – Opole, 1990. – 205 s.
30. Seredyka, J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi od Unii Lubelskiej do połowy XVII wieku / J. Seredyka // Świat pogranicza / Red. M. Nagielski, A. Rachuba, S. Górzyński. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2003. – S. 211–221.
31. Volumina Constitutionum. – T. II (1550–1609), vol. 1 (1550–1585) / Do druku przygotowali S. Grodziski, I. Dwornicka i W. Uruszczak. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2005. – 516 s.
32. Wisner, H. Unia Lubelska i III Statut Litewski z roku 1588 / H. Wisner // Zapiski Historyczne. – 1986. T. LI, z. 1. – S. 23–43.
33. Wisner, H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława IV Wazy / H. Wisner. – Wydanie II. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2001. – 144 s.
34. Zakrzewski, A. Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo–ustrój–społeczeństwo / A. Zakrzewski. – Warszawa: Campidoglio, 2013. – 324 s.